

БУШКОВ Андрей Павлович **1921-1984**

В Красной Армии с 1939 года, служил на границе. Осенью 1941 года из пограничников был сформирован отряд и переброшен из-под Благовещенска в Белоруссию, где вошел в состав диверсионного отряда Константина Заслонова в бригаду С. Фёдорова. Воевал между Витебском и Оршей, раненый попал в плен, его пытали, вели на расстрел, отбили свои боевые товарищи. До полного освобождения Белоруссии о нём ничего не было известно (бригада была засекречена), первое письмо пришло только осенью 1944 году. Дошел с боями до Восточной Пруссии. Награжден: медалью «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», юбилейными медалями.

Дядя заведующей клубом
Назаровой Елены Сергеевны

КАЛЕДА Борис Михайлович 25 октября 1925 - 30 апреля 2002

Блокадник. Призван в ряды Советской Армии в 1943 году. После обучения на офицерских курсах направлен в сапёрный взвод. Победу встретил на подступах к Кёнигсбергу. Демобилизован из Армии в 1975 году с должности начальника инж. полка.

Награжден: орденом Красной Звезды, орденом «Отечественной войны II степени», медалью «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», юбилейными медалями.

В феврале 1945 года шли бои за город КЕНИГСБЕРГ, где лейтенант КАЛЕДА Борис Михайлович, будучи командиром Саперного взвода 43 Саперного батальона, 9-й Отдельной Штурмовой Бригады, работал по устройству заграждений на направлении контрнаступления противника.

4 февраля 1945 года Лейтенант КАЛЕДА Б.М. со своим взводом выполнял задание по установке минного поля перед передним краем обороны. Когда выполнение задания подходило к концу, противник перешел в наступление. Три танка пр-ка подорвались на минном поле, но они продолжали вести огонь с места. Лейтенант КАЛЕДА получил задание уничтожить подбитые танки пр-ка. Взяв с собой 3-х солдат, бутылки с горючей смесью и ВВ Л-т КАЛЕДА под огнем пр-ка подполз к первому танку и поджег его, при переползании ко 2-му танку группа была замечена и пр-к открыл сильный пулемётный огонь из танка-лейтенант КАЛЕДА был тяжело ранен в правый коленный сустав, после чего вынесен с поля боя своим солдатом.

АВСИЕВИЧ Сергей Михайлович **20 сентября 1924 - 18 января 1978**

Блокадник, на фронте с 1942 по 1945 год.
Разведчик 43 Дважды Краснознаменной
Тартусской стрелковой дивизии. Боевой путь от
Ленинграда до Восточной Пруссии.

Награжден: орденом Славы III степени,
медалью «За Отвагу», медалью «За боевые
заслуги», медалью «За оборону Ленинграда»,
медалью «За победу над Германией в Великой
Отечественной войне 1941-1945 гг.»,
юбилейными медалями.

(фото 1942 года)

Отец заведующей клубом
Назаровой Елены Сергеевны.

Наградные листы:

Замес
Авсиева
1942

г. Ленинград
г. 25 октября
г. 31/34 кв 128
Авсиева М.Т.
Адрес отца
Если погибну
в бою я
сообщите по
адресу
Вн. Дел

1. Разведчика разведывательного взвода полка младшего сержанта
АВСИЕВИЧ Сергея Михайловича за то, что он 13 февраля 1944 г.
при действии разведывательной группы в районе острова Перми-
скила-Саар на реке Нарва под сильным пулеметным и минометным
огнем противника отрадил попытку противника взять в плен четы-
рех тяжело раненых разведчиков и лично, оказав помощь раненым
товарищам, эвакуировал их с поля боя.

которой в боях за освобождение Советской Прибалтики в мае 1945 г. проявляя отвагу и героизм, был тяжело ранен и взят в плен. В плену в течение 18 месяцев находился в лагере смерти в Восточной Пруссии. Из плена освобожден в 1945 г.

Мы с мамой не любили, когда папа ходил на демонстрацию, потому что потом весь вечер он лежал и не мог даже подняться, и праздник переставал быть праздником. Старые ранения, искалеченная нога давали о себе знать. А не пойти он не мог, так как был главным инженером огромной организации под названием ЛенРыбПром, и всегда шел за знаменем, возглавляя колонну. На моё очередное нытьё, он всегда говорил: «Я не могу остаться дома, я должен быть впереди и не имею права давать себе поблажки, на меня же люди смотрят.» Конечно, в колонне на него смотрели люди, и он шел от Кировского завода до Дворцовой площади, а дома смотрели мы, как он мучился, но ни разу не пожаловался никому. У людей, прошедших войну, это было не принято, и на работе о его ранениях так никто и не узнал.

Война застала папину семью в Ленинграде. Шестнадцатилетним мальчишкой он сразу же пошел работать слесарем на завод подъемно-транспортного оборудования. Впереди была блокада, страшная и долгая зима сорок первого - сорок второго годов. Жили они на Невском напротив Думы, на той стороне улицы, которая при артобстреле была наиболее опасна. Это сейчас он - Невский проспект, а во время войны назывался проспектом 25 Октября. Наверное, у каждого человека своя судьба и свой ангел-хранитель. Два раза папа, возвращаясь домой, падал и, только благодаря чуду, оба раза оставался жив. Один раз пришла к бабушке соседка и сказала: «Шура, а твой Серёжка напротив Гостиного свалился и лежит, замерзает. Беги, коли успеешь - спасёшь, а у меня сил уже нет». Бабушка успела, дотащила, обогрела – выжил. Второй раз домой его привел солдат, который шел на передовую. Увидел, что парнишка лежит, посмотрел, что живой, в документах нашел адрес и кое-как довел до дома. До сих пор никто не знает имени этого красноармейца, тогда было не до расспросов, просто сказали ему: «Спасибо». В то время никто не считал это подвигом, люди жили по совести и помогали друг другу, чем могли, иначе было не выжить. Не знаю, дошел ли тот солдат до Победы, остались ли у него дети и знают ли они, что их отец спас от смерти голодного мальчишку в блокадном Ленинграде. Кланяюсь ему до Земли. Такие были тогда люди, по-другому поступать не могли. Снова папе суждено было выжить.

Потом с весны до осени сорок второго, были войска ПВО, а потом - сорок третья Дважды Краснознаменная Тартусская стрелковая дивизия. В кинофильме Быкова «Аты-баты, шли солдаты» говорится, что родившихся в двадцать четвертом году в живых осталось только три процента, отец оказался в их числе. Синявинские болота, разведроты и вся война – рейды за линию фронта и обратно. Оставляли документы, награды, снимали знаки различия и уходили на задание.

Когда беру в руки фото отца, где на меня смотрят по-детски озорные глаза, всегда задумываюсь об одном. Ведь это они - такие мальчишки, как он, смогли выдюжить, выстоять и сломать хребет фашистской Германии. Откуда же они силы черпали? Видимо слово «Родина» для них было не пустым звуком. И дрались, и на смерть шли, потому что не представляли, что можно жить по-другому.

Один раз их группа возвращалась из очередного рейда по вражеским тылам, на этот раз удача улыбнулась, и вели они с собой не кого-нибудь, а целого генерала, да еще с портфелем документов. Все радовались, такое случалось нечасто. И вот, когда до линии фронта оставалось рукой подать, напоролись на минное поле. Назад пути нет, влево и вправо – немцы. Что делать?

Надо бы немца вперед пустить, да ведь нельзя – «язык», да еще такой ценный, сколько за ним охотились. И папа пошел первым...До своих его дотащили уже без сознания, истекающего кровью. И тут снова судьба сыграла с ним шутку. Медсанбат в спешном порядке уже свернули для дальнейшего перемещения. И тогда командир его разведгруппы вытащил гранату, вырвал чеку и пообещал, что если этому парнишке они не помогут, до он подорвёт себя и всех врачей, ведь ему теперь терять нечего. То ли вид у него был такой, что ему поверили, то ли подумали и пожалели разведчиков, вернувшихся из-за линии фронта, но развернули одну палатку и спасли папе жизнь. Отсюда и искалеченная нога. А вот пленного генерала с его портфелем доставили в штаб целым и невредимым...Потом был госпиталь.

В 1977 году папа попал в больницу, незадолго до операции к нему в палату зашёл старый хирург, осмотрел и сказал: «А вот это колено я хорошо помню!». Отец удивился: «Доктор, а ведь я Вас совсем не помню». На что тот ответил: «Да и я Вас, молодой человек, не помню, а вот ногу вашу оперировал и запомнил навсегда». Как странно иногда пересекаются человеческие судьбы. Больше тридцати лет прошло, и встретились два человека. Один, который спасал, второй – тот, которого спасали. Наконец-то можно было сказать: «Спасибо» - человеку, вернувшему его к жизни.

После выписки снова в строй, к своим на передовую. Опять за линию фронта и обратно, снова рейды, задания, «языки» и так до самой Победы. Всю войну прошла вместе с ними их переводчица, немка по национальности, Надежда Адольфовна. У капитана - их командира в сорок первом пропала семья. Куда он только не обращался, где только не искал, ответ был один – погибли. К концу войны, уже у самых подступов к Кенигсбергу, всем стало ясно, что у их капитана и переводчицы – любовь: настоящая, проверенная огнем и кровью, тяжкими испытаниями и великой заботой друг о друге. Они поклялись пожениться после Победы. И совсем не задолго до победных салютов получил он письмо от жены, которая нашлась и писала из эвакуации. Известие обрушилось, как снег на голову, судьбе было угодно, чтобы его близкие остались живы. А как же любовь?.. После войны он вернулся к семье – иначе поступить просто не мог. А Надежда Адольфовна замуж так и не вышла. До последнего вздоха любила она своего капитана. Вырастила и воспитала дочь, их дочь. Вот такая была любовь, такие были понятия о чести и долге, такими были люди того поколения.

Когда я была маленькая, помню, как 9 мая мы всегда ездили в ЦПКиО на встречу бывших фронтовиков и всегда встречались там с ней. Помню, с каким теплом и уважением бывшие разведчики (её мальчишки), изрядно полысевшие и пополневшие разговаривали с этой необычайно красивой и хрупкой женщиной, всегда обступив её со всех сторон.

Когда мы утром собирались на встречу ветеранов, в любую погоду, даже тогда, когда светило солнце, папа одевал болоньевый плащ, тогда носили такие плащи. Ехать в ЦПКиО нужно было через весь город на метро, а он стеснялся своих наград. А я, как будто бы случайно, всегда старалась оттащить в сторону полу плаща, чтобы все видели медаль «За отвагу», медаль «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За Победу над фашистской Германией». Обычный набор разведчика, старшего сержанта. Не хватало только ордена Славы. Но орден где-то затерялся. Представление посылали, когда папа был в госпитале, мы думали, что оно не дошло до адресата. Но всё оказалось значительно проще. Орден выписали на фамилию Авсеевич, а надо было на Авсиевич. В полевых условиях писарь палочку сделал чуть длиннее... Нашелся орден только в 1977 году, но перед Днём Победы в военкомате была очередная «запарка», и вручили его только 11 мая, а 18 января 1978 года папы не стало. Так свой долгожданный орден на самый свой дорогой праздник – День Победы он ни разу и не одел... Когда держу в руках его награды, то не могу без волнения смотреть на его гвардейский знак. В одном месте отбита эмаль и есть маленькая вмятинка, это он спас папе жизнь от отрекошетившей шальной пули.

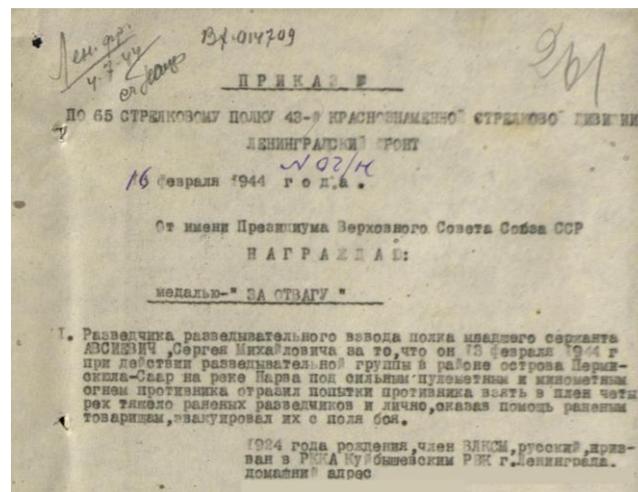
Когда закончилась война, отцу было всего двадцать, от инвалидности он отказался, в двадцать лет быть инвалидом посчитал для себя постыдным. Уже летом сорок пятого года он вернулся в Ленинград и сразу же пошёл работать. Начинал кочегаром в Балтийском Морском Пароходстве, там же подружился с Дмитрием Даниловичем Кантуром, который в последствии стал моим крестным. Он в 14 лет стал юнгой в Дальневосточном Пароходстве. Всю войну проходил в море, сопровождая конвои, которые шли из Америки во Владивосток. Так и остались они на всю жизнь самыми большими друзьями. Потом была учеба в Ленинградском Институте Водного Транспорта на судомеханическом факультете, там папа познакомился с моей мамой. Из БМП его направляют поднимать небольшую по тому времени организацию ЛенРыбПром, тогда это был ЛенОкеанРыбФлот, назначив секретарем партийной организации.

Не хочу вдаваться в полемику относительно рассуждений о партии, но я никогда не стеснялась и не стесняюсь, что мой отец был настоящим коммунистом, не членом партии, а именно коммунистом. Может быть, для кого-нибудь это одно и то же, но за свою жизнь я повидала разных людей, кто-то шёл «членствовать», чтобы быть причастными и получать всё необходимое для себя. Отец же – всегда туда, где трудней всего, где приходилось забывать о себе, а иногда и о нас. Через пару лет он становится главным инженером. Это была сумасшедшая ответственность. Начали с реконструкции старых и строительства новых причалов. Обновлялся флот: стали приходить СРТ, БМРТ, плавбазы.

Был отремонтирован и введен в строй самый большой в мире парусник «Седов», это уже потом его передали в Ригу, а позже портом его приписки стал Мурманск. Сейчас на «Седове» проходят практику курсанты МГТУ. Позже был построен огромный хладокомбинат по переработке рыбы. Папу видели редко, только в выходные дни. Обычно он возвращался с работы, когда мы с братом уже спали, а уходил, когда ещё спали. Потом была первая выставка ИНРЫБПРОМ 68. Два года мы его почти совсем не видели. Папа отвечал за строительство всех павильонов в Гавани для проведения международной выставки. Спал в поездах Москва-Ленинград.

Он был именно из тех людей, о которых поётся в песне: «Раньше думай о Родине, а потом о себе», он ценил людей не за то, кто они, а за то, какие они, знал по имени отчеству всех своих сотрудников. Так и прожил всю жизнь, как на передовой. Человек необычайной скромности, всё отдавший людям, иначе жить не мог, да и не хотел. Про него говорили: «Сгорел на работе»! Когда папы не стало, я училась в 10 классе. Я помню, как после прощания его пронесли на руках вдоль всех, построенных им причалов, и всю дорогу на кладбище тоже несли на руках.

Я ГОРЖУСЬ тобой! Я ЛЮБЛЮ тебя, папа!

Воспоминания Назаровой Е.С.